

УДК 94(474.2)

«МИЛИТАРИЗИРОВАННОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (ПРИМЕР ЭСТОНИИ)*

А.И. Филюшкин

Аннотация. В формировании национальной идеологии люди обращаются к идеалам прошлого. Они ищут своих национальных героев в средневековье. На примере Эстонии в статье показаны особенности данного явления в этой прибалтийской стране. Эстонии как государства не существовало до 1918 г., с XIII по XX в. она всегда была под иноземной властью. А период Средних веков, время племен древних эстов – это время независимости. Отсюда и рост внимания к той эпохе в современной Эстонии. Время господства немецких рыцарей сегодня интерпретируется как, во-первых, доказательство близости Эстонии к европейской истории и культуре, во-вторых – время отражения агрессии России в Ливонскую войну. Обращение к средневековью происходит исходя из смыслов и потребностей национальной идеологии XX в. Такая историческая политика оказывается удачной, поскольку средневековье менее конфликтно, чем история XX в., и средневековье развлекает. Функция развлечения – сегодня важная функция истории как культурной практики. В целом опыт «мобилизации средневековья» для решения проблем национального строительства в Эстонии стоит признать удачным. Но надо иметь в виду его политическую направленность и конструктивистский характер.

Ключевые слова: Эстония, Средние века, историческая политика, военная история, Тевтонский орден, Ливонский орден, Ливонская война.

Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, a.filushkin@spbu.ru.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10080).

“MILITARIZE THE MIDDLE AGES” AS A FACTOR OF NATIONAL BUILDING (AN EXAMPLE OF ESTONIA)

A.I. Filyushkin

Abstract. In the formation of the national ideology people are turning to the ideals of the past. They are looking for their national heroes in the Middle Ages. For example, in Estonia the article shows the features of this phenomenon in this Baltic country. Estonia as a state did not exist until 1918. From the 13th to 20th centuries it has always been under the alien rule. A period of the Middle Ages, was the time of independence the tribes of ancient Estonians. Hence the increased attention to this period in modern Estonia. The reign of the German knights now interpreted as, first, proof of the closeness of Estonia to the European history and culture, and secondly – the time reflect Russian aggression in the Livonian War. Appeal to the Middle Ages there is the basis of the meaning and requirements of the national ideology of the 20th century. This historic policy is successful, since the Middle Ages less conflictual than the history of the 20th century. Today the important function of history as a cultural practice. In general, the experience of “mobilization of the Middle Ages” to meet the challenges of nation-building in Estonia is considered successful. But we must bear in mind its political orientation and constructivist character.

Keywords: Estonia, Middle Ages, historical politics, military history, the Teutonic Order, the Livonian Order, the Livonian War.

Война и связанная с ней военная история страны всегда занимают важное место в формировании национальной идеологии. Война мобилизует нацию, создает сонм национальных героев, реальных и выдуманных. Вспомним историю знаменитого, но никогда не существовавшего французского солдата Николая Шовена, по имени которого назван шовинизм как крайняя форма национализма [де Пюимеж, 1999].

После распада СССР на постсоветском пространстве началось интенсивное строительство национальных государств. Показательна стремительная милитаризация их истории: начался активный поиск в прошлом примеров борьбы за независимость и воинских побед. Что примечательно, в этом поиске страны не ограничивались фактами из новой и новейшей истории, но стремились как можно глубже «удревнить» историю своей воинской доблести, мобилизовать средневековые как фактор национальной истории. В итоге вся национальная история приобрела совершенно новый вид. Рассмотрим этот сюжет на примере Эстонии.

Особенность эстонской (также как и латышской) истории состоит в том, что эти народы большую часть своей истории пребывали под властью иноземных завоевателей – немцев (XIII–XVI вв.), поляков (конец XVI – начало XVII вв.), шведов (вторая половина XVI–XVII вв.), русских (вторая половина XVI, начало XVIII – начало XX и вторая половина XX вв.). Историк Р. Фрост справедливо делит историю региона на немецкий, польский, шведский и русский периоды [Frost, 2000]. Где здесь найти место эстонской военной истории? Ведь войны немецких рыцарей не могут считаться таковой.

Прежде всего, эстонская история была вынесена вглубь веков, далеко за завоевания немецких крестоносцев в XIII в. Экспозиция Эстонского исторического музея в Таллинне открывается утверждением, что эстонская история насчитывает 11 000 лет. Таким образом, она существовала более 10 000 лет до прихода на эстонскую землю Тевтонского ордена.

Под Таллинном, в местечке Ребала сохранился уникальный могильник эпохи поздней бронзы – раннего железного века (VIII–VII вв. до н.э.) с круглыми куполообразными гробницами, сложенными из известняковых плит [Lang et al., 2001; Troska, 2007]. Этот сюжет авторами информационной таблички, стоящей около могильного поля, раскрыт в современном политическом контексте и являет собой великолепный пример мобилизации древности для современной национальной идеологии. Помимо рассказа о захоронениях, текст на табличке повествует о попытках советской власти уничтожить уникальные объекты и построить на этом поле предприятие по добыче и переработке фосфоритов. Эстонское национальное движение выступило под лозунгом «Нет фосфоритам!», добилось отмены строительства. Территория Ребалы была объявлена зоной сохранения эстонского национального наследия [Kink, 2000; Vedru, 2010].

В данной истории, самой по себе заслуживающей уважения за сохранение уникального археологического памятника, примечательно то, что в музейной информации

подчеркивается история борьбы с СССР за эстонскую национальную историю. Древний могильник оказывается востребованным в контексте современной идеологической и культурной ситуации. Его история «мобилизована» как иллюстрация становления национального самосознания в современной Эстонии.

Рис. 1. Табличка в Ребале в поле с древним могильником. Фото 2016 г.

Эстония – страна, в которой к историческому наследию относятся крайне бережно. История древних эстов вплоть до их кореня немцами крестноносцами в XIII в. тщательно мемориализована, воплощена в различных памятных объектах. Воспроизведены даже легендарные сюжеты, главным из которых является героический эпос о богатыре-великане Калевипоэге, борце с иноземными захватчиками. Эпос был сконструирован в XIX в. на основе народных сказаний по образцу финского «Калевалы». Автором идеи о создании «Калевипоэга» был немецкий врач и филолог Фридрих Фельман, а тексты записал и обработал врач, эстонец по происхождению, но германизовавшийся в силу образования и культурной среды Фридрих Крейцвальд. Примечательно, что эпос первоначально был издан в 1857–1861 гг. на немецком языке, и только затем в 1862 г. в Финляндии вышло эстонское издание [Nirk, 1961; Tedre, 2008; Talvet, 2015]. В деревне Сааре, район Йыгевамаа, недалеко от западного берега Чудского озера создана реконструкция эпоса. Туристам показывают музей «Калевипоэга», деревянные скульптуры его героев, стул богатыря, реку, в которой бес утопил его меч (наступив на который богатырь получил смертельную рану и умер) и т.д. [Rohtmets, 2006, p. 183–184].

Рис. 2. Макет стула Калевипоэга в музее в Сааре

Заметим, что мемориализация легендарного богатыря древности Калевипоэга – вовсе не предел историко-мифологических реконструкций. Эстонцы считают, что великий скандинавский бог-воитель Один похоронен именно в Эстонии, на острове Омуссаар (Одинсхольм по-шведски) [Знаете ли Вы... 2015, с. 132].

Помимо материализованных мифологических сюжетов местом паломничества стали тщательно ухоженные городища древних эстов, в первую очередь городище Лыхавере, связанное с именем национального героя Лембита, убитого в сражении с немцами в 1217 г. Лембит как символ национального героя-воина в XX в. дал имя нескольким эстонским воинским объектам: канонерской лодке (первый корабль ВМФ Эстонии, 1918 г., бывшая российская канонерка «Бобр»), подводной лодке (1937), танковой колонне 1-го танкового корпуса Советской армии из 37 танков

T-34-85 (1945). В 2005 г. о Лембите был снят эстонский исторический фильм «Malev» («Дружина»). Память об этом герое зафиксирована в названии парка и улицы в Таллинне и в монументе в г. Сууре-Яани (1926).

Помимо немцев главными врагами эстонцев на раннем историческом этапе были русские. На эстонские городища нападали и из далекого Киева (завоевания в Прибалтике Ярослава Мудрого, завершившиеся основанием Юрьева/Дерпта в 1030 г. [Валк, 2009], и его сына Изяслава на городище Кеава в 1054 г. [Haabsaar, 2006]), и из Новгорода – например, знаменитого Мстислава Удалого на Варболу («Воробьиный нос» русских летописей) в 1212 г., которое было «успешно отражено» [Tamla, 1992; Laid, 1997]. Общий итог периода, если суммировать данные эстонских учебников и историю материальных объектов, таков: эсты отстояли свою землю от нападений русских и успешно развивались; они стояли на пороге создания своего средневекового эстонского государства.

Но помешал иноземный супостат, в данном случае – немцы, в XIII в. приступившие к завоеванию Эстонии. Дальнейший немецкий (орденский) период эстонской истории в национальной историографии достаточно сложен для толкования. С одной стороны, показывается, что крестоносцы, вне всякого сомнения, угнетали эстонский народ, который восставал против них, к сожалению – малоуспешно. С другой стороны, большинство средневековых памятников Эстонии относится именно к орденскому периоду, причем это древние церкви (с XIII в.) и рыцарские замки (XV–XVI вв.) – таким историческим наследием разбрасываться нельзя. Гибель Ливонского ордена в 1558–1561 гг. связана с русским вторжением, что тоже требуется, исходя из идеологического заказа современности.

Поэтому средневековая история Ливонии в современной Эстонии задействована в нескольких аспектах. Во-первых, с помощью ее мемориализации подчеркивается исконная принадлежность Эстонии к европейской цивилизации. Рыцари со всей их романтической атрибутикой, торговые города Ревель, Дерпт и Нарва с европейским социально-экономическим укладом, членство в Ганзейской лиге, связь с европейской культурной жизнью – все это в современной эстонской исторической политике тщательно культивируется, поскольку не оставляет сомнений в европейской принадлежности Эстонии, ее изначальной интегрированности в общеевропейские структуры (Священную Римскую империю, куда Ливония в самом деле входила с начала XVI в.). Здесь культурные стереотипы опираются на установки советского времени, когда в Таллинне и Риге снималось множество фильмов на средневековую тематику, а из Ленинграда люди ездили на экскурсии «в советскую Европу» – прежде всего в Таллинн [Näripea, 2004].

Из военной истории средневековья в школьных учебниках Эстонии рассказывается о двух вещах: восстаниях эстов против немецких угнетателей (здесь ливонские рыцари плохие), и о русской агрессии против Ливонского ордена в XVI в. (здесь ливонцы – невинные жертвы имперских устремлений Ивана Грозного) [Кяупа и др., 1999; Варя, 2009; Mäesalu et al., 2005].

Рис. 3. Памятный знак у входа на городище: «Замок Лембита»

Рис. 4. Городище Лыхавере, по преданию связанное с именем Лембита

В отношении Ливонской войны современная Эстония представляет собой уникальную картину: мало в какой европейской стране на столь небольшой территории сконцентрировано такое количество полуразрушенных замков, которые собственным обликом в самом деле являют собой печальный пример того, что с людьми и страной делает война. Большинство замков после Ливонской войны не восстанавливалось: за краткое время польского владычества в Прибалтике (1582–1611) у поляков не было финансовой возможности это делать, а шведам, пришедшим на смену полякам, замки как таковые были не особо нужны. В XVII в. фортификация ушла далеко вперед, нужны были земляные укрепления бастионного типа, способные противостоять артиллерии нового времени. Замки, построенные северными крестоносцами, были хороши против местных крестьян, вооруженных топорами и цепями, но против артиллерии решительно не годились. Они устарели и могли использоваться только как складские или гарнизонные помещения или романтические развалины.

Конечно, руинированные замки, монастыри и соборы дошли не совсем в том виде, в котором остались после Ливонской войны. Их разбирали на камень местное население (эта участь постигла, к примеру, замок Кириппе), они пострадали от времени и от Второй мировой войны. Но сегодня эти руины выступают зримым памятником агрессии Ивана Грозного, вмешательства враждебного соседа в постпатетельный ход эстонской истории. При обращении к путеводителю по эстонским замкам указание, что они пострадали от русских войск в годы Ливонской войны, содержится в статьях о замках Киу, Кивилоо, Коловерь, Лихула, Пайда, Вильянди, Тарваст, Раквере, Поркуни, Нарва, Васкарнава, Потсамаа, Лаюс, Рынгу, Кириппе, Вайселлина, монастыре Падис [Helme, 2003, lk. 18, 20, 25, 30, 37, 65, 70, 74, 87, 90, 95, 99, 103, 105, 110, 114, 118].

Характерен в этом плане пример собора Петра и Павла в Дерпте (Тарту). Величественный огромный храм был разрушен при взятии Дерпта войсками Ивана Грозного в 1558 г. Поляки его восстановить не успели, а протестантам-шведам это было не нужно. Они использовали храм как склад сена, овин. Однако смертельные раны собору нанесли не только события XVI в., но и последующие деяния жителей Дерпта и иноземных армий. В 1602 г. поляки для отопления разобрали и сожгли все деревянные части собора. В 1624 г. он сильно пострадал от пожара. Собору досталось и в годы Северной войны, а в 1770 г. были разобраны его готические башни, считавшиеся самыми высокими в Ливонии [Suur, 1968; Lukas, 1998]. Но табличка для туристов у стен собора из всех этих дат называет только 1558 г. и последующие усилия эстонских архитекторов по его восстановлению.

Столь акцентированное внимание из всего средневековья именно на событиях Ливонской войны, когда Эстония изображается жертвой русской агрессии, безусловно, вызвано презентизмом XX в., культурным заказом, рифмованием этих событий с историей Прибалтики в XX в.

При этом интересно, что в научной эстонской историографии тема Ливонской войны популярностью не пользуется. Данному сюжету посвящено очень мало

крупных серьезных работ. Первой эстонской монографией на эту тему стала книга Г. Крууса [Kruus, 1924], и долгое время она была единственной. Лишь в последние годы появились серьезные исследования А. Селарта [Селарт, 2013; Selart, 2008; 2014; 2016], А. Адамсона [Adamson, 2013], М. Лайдре [Laidre, 2015], которые сегодня заняли видное место не только в эстонской, но и в мировой историографии данной темы.

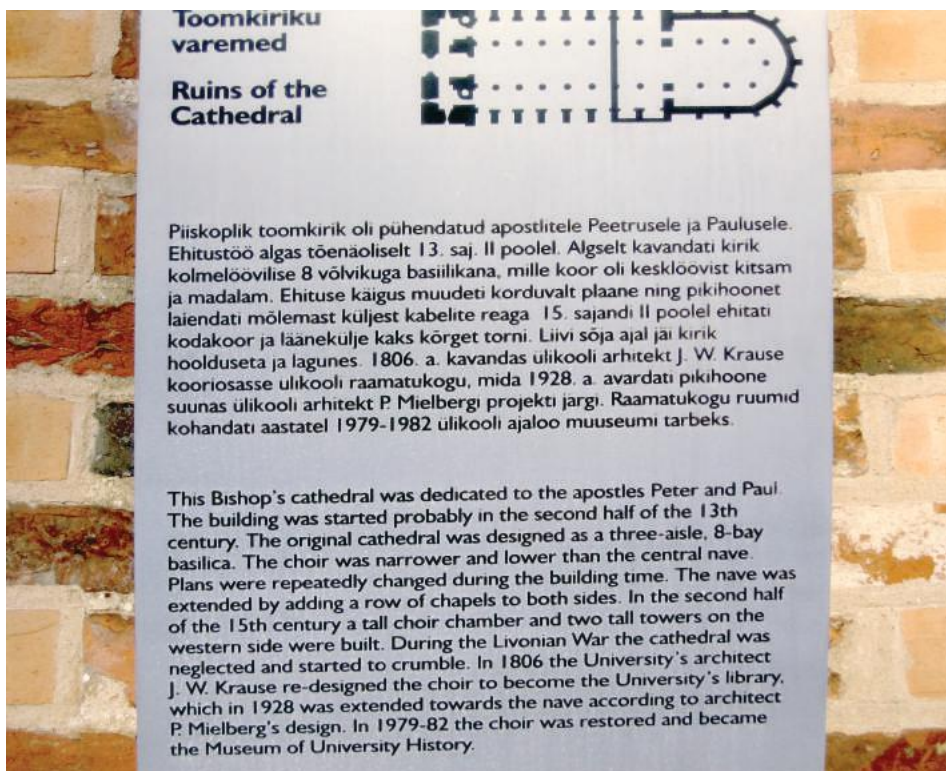

Рис. 5. Табличка у собора Петра и Павла. Тарту. Фото 2010 г.

А вот в сфере визуализации прошлого, культурной политики, туризма и национального строительства эта «мобилизация средневековья» для современных нужд востребована. Выходят даже детские книжки. Так, знаменитый флюгер таллиннской ратуши Старый Томас, по легенде, стал ревельским солдатом, который мальчиком совершал подвиги в войне против русского царя и убил (взорвал) множество москвитов. Сам флюгер был установлен на ратуше в 1530 г. Если привязывать жизнь солдата Томаса к этой дате, то он никак не мог принять участие «мальчиком» в событиях спустя 30–40 лет (осады Ревеля были в 1570 и 1577 гг.). В 1881 г. в «Ревельском календаре», выходившем на немецком языке, неизвестно откуда взялась легенда, что Томас – это бедный ревельский горожанин, юноша, победивший на турнире лучников в Попугаевом саду и впоследствии прославившийся в Ливонскую войну.

В 1944 г. Дирекция народного просвещения – орган эстонского правительства при немецко-фашистской администрации – заказала писателю Г. Хельбимяэ патристический рассказ на тему легенд из истории Ревеля. Он взял за основу легенду о лучнике Томасе, но перенес действие в 1577 г., в Ливонскую войну: эстонский мальчик под его пером встал на защиту немецкого города Ревеля от русских агрессоров [Helbetäe, 1944]. В 2012 г. книга была переиздана в Таллине на эстонском [Helbetäe, 2010], русском, английском, немецком, французском и шведском языках. Художник Йохан Нах снабдил ее красивыми иллюстрациями в стиле комиксов, на которых трупы взорванных москвитов разлетаются в разные стороны. Издание сделано ярко и красочно, текст написан занимательным для детей языком. Таким образом, события Ливонской войны оказываются «мобилизованными» для воспитания подрастающего поколения в соответствующем национальном духе (символ Таллинна Старый Томас – древний защитник столицы от иноземной агрессии)¹.

Рис. 6. Руины собора Петра и Павла в Тарту. Фото 2010 г.

К числу «туристических мистификаций» относится моделирование «следов русского обстрела» на таллиннской крепостной башне Кик-ин-дер-Кек. Это крупное фортификационное сооружение, артиллерийская башня, которая в самом деле сыграла важную роль при обороне Ревеля во время попыток его осады армией Ивана Грозного. В стенах башни туристам сегодня показывают каменные и железные ядра, якобы застрявшие после русского обстрела. Однако ядра вмазаны в стену «по ниточке», по очень ровной линии на одинаковом расстоянии друг от друга.

¹ Реакцию русской общины Эстонии в прессе см.: URL: <http://baltija.eu/news/read/25213> (дата обращения: 30.06.2016).

Никакая артиллерия в XVI в. не смогла бы так ювелирно положить ядра в цель. На самом деле они были вмазаны в стены башни при ее ремонте, как символ воинской доблести башни и ее защитников, и уже потом стали для туристов символом агрессивных намерений Ивана Грозного.

Рис. 7. Кин-ин-де-Кек – башня Ревельской крепости. Фото 2010 г.

Рис. 8. Ядра в стене башни Кин-ин-де-Кек

Что интересно, при этом мемориальных комплексов и памятников собственно Ливонской войне в Прибалтике почти нет. Непосредственно к периоду войны относится могила в Таллинне с каменным надгробием на ул. Марты. На территории орденовой мызы Мяо (в 40 км от Пайды) был холм, в котором по преданию было похоронено 3 тыс. русских, павших при штурме Пайды в 1573 г. Цифра явно преувеличена, да и в XVI в. православные не хоронили своих в курганах. В конце XIX в. эта земля принадлежала барону Штакельбергу. В 1886 г., в связи с посещением великим князем Владимиром Александровичем соседнего имения графа Толя Арукюла (Аррокюль), на холме был поставлен четырехгранный пятиметровый обелиск. На постаменте две даты – 1573 и 1886 годы. Известно, что при взятии Пайды погиб знаменитый опричник Малюта Скуратов (но его под памятником нет, тело Малюты увезли в Россию). Оба монумента довольно заброшены и не пользуются популярностью у туристических гидов. Таким образом, настоящая, опирающаяся на действительные артефакты память о Ливонской войне не слишком востребована, в отличие от ее мифологической составляющей, интерес к которой вызван культурным и политическим презентизмом.

Рис. 9. Крест на могиле воина, павшего в Ливонскую войну. Таллинн, ул. Марты

Рис. 10. Обелиск воинам, павшим при штурме Пайды в 1573 г.

Гораздо больше внимания в прибалтийской стране уделяется памятникам, посвященным событиям XX в. – «войне за независимость» 1918 г., в ходе которой Эстония обрела суверенитет, событиям Второй мировой войны и т.д. Но анализ исторической политики Эстонии в отношении новейшего времени – отдельная и очень объемная по материалу тема.

Как можно оценить феномен «мобилизации средневековья» (в том числе «военного, милитаризованного средневековья») для современной Эстонии? Он является

примером продуманной и целенаправленной исторической политики, успешно и умело реализуемой для развития эстонского национального проекта. Само по себе обращение к средневековью как основе героического прошлого не вызывает в обществе конфронтации и раскола (в отличие от событий XX в., по поводу которых консенсуса нет). Военные герои средневековья менее противоречивы для современников, чем солдаты армий XX века (кто будет оспаривать подвиги Лембита или защитников Ревеля в Ливонскую войну?).

На стороне средневековья есть еще очень сильное преимущество: оно красиво, зрелищно, обладает силой эстетического и эмоционального воздействия. Связанные с ним коммеморации и мероприятия (многочисленные реконструкторские и рыцарские фестивали, дни городов, «Ганзейские дни» и т.д.) отвечают одной из востребованных сегодня функций истории – функции развлечения. Тем самым идеи культурного родства с Европой и национальные идеи подаются населению в очень привлекательной форме. Средневековье успешно вплетается в современные культурные коды и даже новые технологии в области культуры [Niipor, 2014].

В то же время надо отдавать отчет, что медиевализм в эстонском национальном проекте (как в и любом другом проекте по конструированию наций на постсоветском пространстве) является в большей степени мифологическим конструктом. Выбор элементов этого конструкта определяется не реальной исторической составляющей, а смысловым заказом, приходящим из современности, из XX–XXI веков. Средневековая история пишется по заказам и лекалам новейшего времени. На древних эстов и Ливонский орден в Прибалтике сегодня смотрят через призму истории XX века. Они востребованы как составная часть проекта построения эстонской нации. Это, конечно, касается в большей степени исторической политики властей и истории как культурной практики в эстонском обществе, и в меньшей степени относится к научной эстонской историографии, в последние годы получившей значительное развитие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Валк Х. Городища Восточной Эстонии и подход князя Ярослава на Чудь // *Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В.В. Седова: материалы 54-го заседания (15–17 апреля 2008 года)*. Псков: Псковский музей-заповедник, 2009. С. 393–400.

Вяря Э. Конспект по истории Эстонии: учебное пособие для выпускников гимназий. Таллинн: Avita, 2009. 104 с.

Знаете ли Вы, что есть более 100 невероятных, непостижимых, неповторимых причин приехать в Эстонию? Таллинн: Solo Sokos Hotel Estonia, 2015. 190 с.

Кяупа З., Мязсалу Ф., Паюр А., Страубе Г. История Балтийских стран: учебник. Таллинн: Avita, 1999. 220 с.

- Люимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М.: Языки русской культуры, 1999. 399 с.
- Селарт А. Иван Грозный, Кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи русского вассального государства в Ливонии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. Nr. 2. С. 180–197.
- Adamson A. *Liivimaa kuningriik*. Tallinn: Argo, 2013. 248 lk.
- Frost R. *The Northern wars: war, state, and society in northeastern Europe, 1558–1721*. Harlow, England; New York: Longman 2000. 401 p.
- Haabsaar E. Kiievi kunagise vürsti Izjaslavi oletatavad jäljed Keava linnamäel endiselt leidmata // *Nädaline*. 2006. Nr. 3. Lk. 6–7.
- Helbemäe G. *Legenda Vanhasta Toomaksesta. Vana Toomase legend*. Tallinn: Grenader, 2012. 64 lk.
- Helbemäe G. *Vana Toomas: noorsoojutt XVI sajandi Tallinnast*. Tallinn: Eesti Kirjastus, 1944. 62 lk.
- Helme M. *Eestimaa Linnuste teejuht. 7 teekonda – 60 linnust*. Tallinn: Kunst, 2003. 128 lk.
- Hiip H. Medieval painted saints meeting modern media: project “Rode altarpiece in close-up” // *Baltic journal of art history: official publication of the Chair of Art History of the University of Tartu*. 2014. Nr. 7. P. 171–180.
- Kink H. Kaitsealad: Naissaare looduspark, Kostivere maastikukaitseala, Rebala muinsuskaitseala, Kolga lahe maastikukaitseala // *Harjumaa: Viimsi, Maardu, Jõelähtme*. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 2000. Lk. 27–31.
- Kruus H. *Vene-Liivi sõda: (1558–1561)*. Tartus: Loodus, 1924. 158 lk.
- Laid E. Varbola Jaanilinn // *Laid E. Paopaigad*. Tartu: Ilmamaa, 1997. Lk. 204–227.
- Laidre M. *Domus belli: Põhjamaade Saja-aastane sõda Liivimaal 1554–1661*. Tallinn: Argo, 2015. 910 lk.
- Lang V., Laneman M., Ilves K. Fossil fields and stone-cist graves of Rebala revisited // *Arheoloogilised välitööd Eestis = Archeological field works in Estonia*. 2000. Tallinn, 2001. Lk. 34–47.
- Lukas T. *Tartu toomhärrad 1224–1558*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastuse trükikoda, 1998. 278 lk.
- Mäesalu A., Vent U., Laur M., Tannberg T. *Eesti ajaloo õpik gümnaasiumile, I osa*. Tallinn: Avita, 2005. 164 lk.
- Näripea E. Medieval socialist realism: Representations of Tallinn Old Town in Soviet Estonian Feature Films, 1969–1972 // *Koht ja paik = Place and location: studies in environmental aesthetics and semiotics*. Vol. IV. Tallinn, 2004. Lk. 121–144.
- Nirk E. *Friedrich Reinhold Kreutzwald: lauluisa elulugu*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1961. 128 lk.
- Rohtmets I. *A cultural guide to Estonia*. Tallinn: Varrak, 2006. 362 p.
- Selart A. Narva ime 1558. Aastal // *Narva Muuseum. Toimetised*. 2008. Vol. 8: Maal, linnas ja linnuses. Uurimusi Narva piirkonna ajaloost. Lk. 46–63.

Selart A. *The Pskovo-Pechersky Monastery during the Livonian War (1558–1582). Holdings in Estonia*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016. 148 p.

Selart A. Die Reformation in Livland und konfessionelle Aspekte des livländischen Kriege // *Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland*. Köln: Böhlau, 2014. S. 339–358.

Suur A. *Tartu Toome Hill*. Tallinn: Eesti Raamat, 1968. 72 p.

Talvet J. Müütilise tulevikulinna ja sümbiootilise rahvuse ehitamine Euroopa äärel: F.R. Kreutzwaldi “Kalevipoeg” // *Talvet J. Luulest*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. (Studia litteraria Estonica. Vol. 16). Lk. 43–61.

Tamla Ü. The hillfort of Varbola-Jaanilinn and the settlement at Jalase // *Estonia: nature, man and cultural heritage: proceedings of a round table held at Tallinn, April 1991 at the Estonian Academy of Sciences*. Strasbourg: Council of Europe, 1992. P. 145–155.

Tedre Ü. “Kalevipoeg” ja tema uurimislugu // *Ühest sajandist teise: Kristjan ja Paul Raud*. Tallinn: Eesti Kunstimuuseum, 2008. Lk. 131–141.

Troska G. Rebala muinsuskaitseala põliskülade ajaloost // *Maa mäletab...: valitud artiklid aastatest 1977–2007: pühendatud Vello Lõugase mälestusele ja kaitseala 20. aastapäevale*. Jõelähtme: Infotrükk, 2007. Lk. 81–112.

Vedru G. Memory and the value of place in Estonia // *Local heritage, global context: cultural perspectives on sense of place*. Farnham: Ashgate, 2010. P. 53–64.

REFERENCES

Valk Kh. Gorodishcha Vostochnoi Estonii i podkhod kniazia Iaroslava na Chud' [Ancient settlements in the Eastern Estonia and march of prince Yaroslav to tribe Chud'], in: *Arkheologiiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli: seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy 54 zasedaniia (15–17 apreliia 2008 goda)*. Pskov: Pskovskii muzei-zapovednik, 2009. P. 393–400 (in Russian).

Viaria E. *Konspekt po istorii Estonii. Uchebnoe posobie dlia vypusnikov gimnazii* [Synopsis of history of Estonia. Text-book for the graduates of gymnasium]. Tallinn: Avita Publ., 2009. 104 p. (in Russian).

Znaete li Vy, chto est' bolee 100 neveroiatnykh, nepostizhimykh, nepovtorimykh prichin priekhat' v Estoniiu? [Do you know, that there are over 100 exciting, quirky, unique and important reasons to visit Estonia]. Tallinn: Solo Sokos Hotel Estonia, 2015. 190 p. (in Russian, Estonian, English).

Kiaupa Z., Miaesalu F., Paiur A., Straube G. *Istoriia Baltiiskikh stran: Uchebnik* [History of the Baltic countries: A Text-book]. Tallinn: Avita Publ., 1999. 220 p. (in Russian).

Piuimezh Zh. de. *Shoven, soldat-zemlepushets. Epizod iz istorii natsionalizma* [Shoven, a soldier and ploughman. An episode of the history of nationalism]. Moscow: lazyki russkoi kul'tury, 1999. 399 p. (in Russian).

Selart A. Ivan Groznyi, Kaizer Livonskii? K istorii vozniknoveniia idei rossiiskogo vassal'nogo gosudarstva v Livonii [Ivan the Terrible, Emperor of Livonia? Addenda to the

History of the Origin of the Idea of the Russian Vassal State in Livonia], in: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. Nr. 2. P. 180–197 (in Russian).

Adamson A. *Liivimaa kuningriik* [Livonian Kingdom]. Tallinn: Argo Publ. 2013. 248 p. (in Estonian).

Frost R. *The Northern wars: war, state, and society in northeastern Europe, 1558–1721*. Harlow, England; New York: Longman, 2000. 401 p.

Haabsaar E. Kiievi kunagise vürsti Izjaslavi oletatavad jäljed Keava linnamäel endiselt leidmata [Kievan prince Izyaslav suspected in the attack on the fortress Keava: on the hill still find traces], in: *Nädaline*. 2006. Nr. 3. P. 6–7 (in Estonian).

Helbemäe G. *Legenda Vanhasta Toomaksesta. Vana Toomase legend* [Legend about the Old Tomas]. Tallinn: Grenader Publ. 2012. 64 p. (in Estonian).

Helbemäe G. *Vana Toomas: noorsoojutt XVI sajandi Tallinnast* [Vana Toomas: youth from the 16th century Tallinn]. Tallinn: Eesti Kirjastus, 1944. 62 p. (in Estonian).

Helme M. *Eestimaa Linnuste teejuht. 7 teekonda – 60 linnust* [The Estonian Castles Guide. 7 journey – 60 forts]. Tallinn: Kunst Publ. 2003. 128 p. (in Estonian).

Hiiop H. Medieval painted saints meeting modern media: project “Rode altarpiece in close-up”, in: *Baltic journal of art history: official publication of the Chair of Art History of the University of Tartu*. 2014. Nr. 7. P. 171–180.

Kink H. Kaitsealad: Naissaare looduspark, Kostivere maastikukaitseala, Rebala muinsuskaitseala, Kolga lahe maastikukaitseala [Protection areas: Nature Park on Naissaar Island, Kostivere Landscape Reserve, Rebala Reserve, Kolga Bay Landscape Reserve], in: *Harjumaa: Viimsi, Maardu, Jõelähtme*. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 2000. P. 27–31 (in Estonian).

Kruus H. *Vene-Liivi sõda: (1558–1561)* [Russian-Livonian War: 1558–1561]. Tartus: Loodus Publ. 1924. 158 p. (in Estonian).

Laid E. Varbola Jaanilinn, in: Laid E. *Paopaidad*. Tartu: Ilmamaa Publ. 1997. P. 204–227 (in Estonian).

Laidre M. *Domus belli: Põhjamaade Saja-aastane sõda Liivimaal 1554–1661* [Domus belli: Nordic Hundred Years' War in Livonia, 1554–1661]. Tallinn: Argo Publ. 2015. 910 p. (in Estonian).

Lang V., Laneman M., Ilves K. Fossil fields and stone-cist graves of Rebala revisited, in: *Arheoloogilised välitööd Eestis = Archeological field works in Estonia*. 2000. Tallinn, 2001. P. 34–47.

Lukas T. *Tartu toom härrad 1224–1558* [Tarti 1224–1558]. Tartu Ülikooli Kirjastuse trükikoda, 1998. 278 p. (in Estonian).

Mäesalu A., Vent U., Laur M., Tannberg T. *Eesti ajaloo õpik gümnaasiumile, I osa* [Estonian history textbook for high school]. Tallinn: Avita, Publ., 2005. 164 p. (in Estonian).

Näripea E. Medieval socialist realism: Representations of Tallinn Old Town in Soviet Estonian Feature Films, 1969–1972, in: *Koht ja paik = Place and location: studies in environmental aesthetics and semiotics*. Vol. IV. Tallinn, 2004. P. 121–144.

- Nirk E. *Friedrich Reinhold Kreutzwald: lauluisa elulugu* [Friedrich Reinhold Kreutzwald: biography of Father of Song]. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1961. 128 p. (in Estonian).
- Rohtmets I. *A cultural guide to Estonia*. Tallinn: Varrak Publ. 2006. 362 p.
- Selart A. Narva ime 1558. Aastal [Narva miracle of 1558], in: *Narva Muuseum. Toimetised*. 2008. Vol. 8: Maal, linnas ja linnuses. Uurimusi Narva piirkonna ajaloo kohta. P. 46–63 (in Estonian).
- Selart A. The Pskovo-Pechersky Monastery During the Livonian War (1558–1582). Holdings in Estonia. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016. 148 p.
- Selart A. Die Reformation in Livland und konfessionelle Aspekte des livländischen Kriege [The Reformation in Livonia and religious aspects of the Livonian war], in: *Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland*. Köln: Böhlau, 2014. P. 339–358 (in German).
- Suur A. *Tartu Toome Hill*. Tallinn: Eesti Raamat Publ. 1968. 72 p. (in Estonian).
- Talvet J. Müütilise tulevikulinna ja sümbiootilise rahvuse ehitamine Euroopa äärel: F.R. Kreutzwaldi “Kalevipoeg” [The mythical city of the future and the construction of the symbiotic nation on the brink of Europe], in: Talvet J. *Luulest*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. (Studia litteraria Estonica. Vol. 16). P. 43–61 (in Estonian).
- Tamla Ü. The hillfort of Varbola-Jaanilinn and the settlement at Jalase, in: *Estonia: nature, man and cultural heritage: proceedings of a round table held at Tallinn, April 1991 at the Estonian Academy of Sciences*. Strasbourg: Council of Europe, 1992. P. 145–155.
- Tedre Ü. “Kalevipoeg” ja tema uurimislugu [“Kalevipoeg” and its story], in: *Ühest sajandist teise: Kristjan ja Paul Raud*. Tallinn: Eesti Kunstimuuseum, 2008. P. 131–141 (in Estonian).
- Troska G. Rebala muinsuskaitseala põliskülade ajaloo kohta [Ancient village Rebala: a history of heritage], in: *Maa mäletab...: valitud artikleid aastatest 1977–2007: pühendatud Vello Lõugase mälestusele ja kaitseala 20. aastapäevale*. Jõelähtme: Infotrükk Publ. 2007. P. 81–112 (in Estonian).
- Vedru G. Memory and the value of place in Estonia, in: *Local heritage, global context: cultural perspectives on sense of place*. Farnham: Ashgate, 2010. P. 53–64.